То, что под «словесностью» он понимал и мистическое обладание «словом божиим», и обычную ученость, доказывается стихотворением «Писание» (второе стихотворение цикла):

Священно писание кто рай нарицает,
никако от истинны словом погрешает:
Суть бо в нем различная древеса сажденна,
жигия лиц от века бывших помяненна.
В среде их древо жизни, житие Христово,
еже воплощенное жизнь есть наша слово.
Из чювственна четыре реки истекают,
еже наводнением землю напаяют.
Из мысленнаго паки разум исплывает
четверогубый, иже душы оживляет.
Первый разум писменный, им же деяния
исторически миру дают писания.
Вторый аллегоричный, иже под покровом
иноглаголания дает дела словом.
Третий нравом учащий, иже вся приводит
к благих дел творению, да ся благость родит.
Есть онагогический в четвертом лежащий
месте, вся ко небесным духовно родящий...
(л. 360—360 об.)

Если «исторический разум» прямо «исплывает» из древа жизни Христа — Слова божия и «оживляет душу», то Симеон Полоцкий имеет все основания считать свой труд подобным апостольскому. И он провозглашает это совершенно открыто:

Христианом имена многа мощно дати,
различными я тиглы лесть есть нарицати.
Ученици Христови во первых реченни,
яко от Христа света правде наученни.
Аще же ученици есмы, подобает,
да от нас разум Христов мирови сияет·
Ученик бо истинный должен то даяти
иным, от учителя что могл восприяти...
...Соль земли апостоли звани,
яко во нетление миру быша дани;
Да якоже солию нетленно бывает
тело животных, тако да ся утверждает
Дух учением онех, в людех в мире живших,
суетствия мирская всетщетно любивших.
И нам убо яко соль в мире нужда быти,
учением в нетленность ума приводити.
(«Християнин», лл. 518—519).

Такова претенциозная эстетика Симеона Полоцкого. Перед нами — типичный гуманитарный «аристократ духа», который всеми силами противится представлению о вере как о чем-то изначальном и простом, независимом от культуры. По мнению Симеона, чем причастнее человек культуре, тем выше его вера, тем значительнее его нравственная заслуга. Вера представляется ему частью культуры. Строитель этой культуры среди московских «невегласов» — светоч веры, и этим определяется, оправдывается и освящается его труд. Он убежден, что его миссия подобна апостольской, а сам он — «соль земли». Эстетика Симеона просуществовала в русской литературе недолго, она была лишь историческим эпизодом и ушла вместе с Дмитрием Ростовским и Стефаном Яворским. Но тот писательский тип, который воплощен в Симеоне Полоцком, продолжает жить до сих пор.